

ВСЕ МЫ ЗАВИСИМ ОТ РЕПЕРТУАРА

Наш собеседник — солистка оперы Нина Терентьева

Редакция. Нина Николаевна, в этом сезоне я редко вижу вас в театре. С чем это связано?

Н. Терентьева. Я не привыкла бывать в театре без дела, а за два с половиной месяца я спела два спектакля: Шарлотту в «Вертере» и Полину в «Пиковой даме». Одну афишную «Пиковую даму» я не пела, заболев. В том репертуаре, который шел в октябре—ноябре и декабре, больше мне петь было нечего. Очень жаль, что так сузился наш оперный репертуар. Ну, я уже ладно, вроде бы и напелась почти за 20 лет, включая Кировский театр, и репертуар у меня есть... Но я думаю о молодежи — она же должна учиться именно на сцене, в спектаклях. Помню свое начало, когда в Кировском театре я пела чуть ли не каждый день, не сходила со сцены, пела все подряд, я жила в театре. И это — правильно, иначе ничего не получится. Для того, чтобы «состояться», надо регулярно выходить на сцену, пробовать себя в самых разных ролях. А сейчас нет репертуара, на котором могла бы расти молодежь, которой предстоит занять ведущее положение.

Ред. А что вы хотели бы спеть в репертуаре нашего театра?

Н. Т. Я скорблю, что нет сегодня в репертуаре опер Верди. Ведь Верди — это композитор, на котором вокалисты учатся петь, это — школа, и ее нельзя ничем заменить. Я очень люблю Римского-Корсакова, Мусоргского, но петь их нужно уже умеючи. Я уже давно прошу: давайте возобновим «Аиду», ведь есть кому петь, прекрасная опера. Нет, «Трубадура» нет, «Дон Карлоса» нет, «Бал-маскарада» нет. Нет и «Кармен» — хоть я эту оперу и не люблю, но это — мой репертуар.

Ред. А что из русского репертуара хотите вы петь?

Н. Т. Дело не в моем желании, но кончается декабрь, а нет ни «Хованщины», ни «Царской», ни «Бориса», ни «Снегурочки».

Ред. Значит, за два с половиной месяца у вас было всего два спектакля?

Н. Т. Да, в Большом театре. Но за рубежом я спела «Трубадура» и «Дон Карлос», а в Париже, в зале «Плейель», кантату «Москва» и арии из опер Чайковского.

Ред. Вы разучиваете сейчас что-нибудь новое?

Н. Т. В театре ничего нового не учу. Но Пласидо Доминго пригласил меня спеть с ним в 1992 году «Самсона и Далилу», и сейчас я разучиваю партию Далилы. У меня много приглашений, но в основном это — «Дон Карлос», «Трубадура», «Аида», то,

что уже мною было спето. Я принимаю эти предложения, потому что работать, петь надо, иначе можно потерять квалификацию, но хочется делать что-то новое. Поэтому я с удовольствием приняла предложение Доминго.

Я не могу обижаться на Большой театр за то, что мне не дают что-то петь, мне в общем все дают, но из того, что идет, мне нечего просто петь. Репертуар предельно ограничен.

Ред. Как вам кажется, почему это происходит?

Н. Т. Вот этого я не знаю. Я думаю, что это результат творческой неадаптивности нашего руководства. Ведь без работы оказалась не только я, а, как известно, если артист не работает, он деградирует. Полина в «Пиковой даме» — это же не работа. Я спела с большим удовольствием Шарлотту — партия, действительно, большая и трудная, а дальше?.. Если бы я не ездил за границу, то полностью потеряла бы квалификацию. Конечно, очень хотелось бы заранее, в конце сезона, знать репертуар предстоящего сезона. Даже не календарный, а хотя бы названия. Я не говорю о своей занятости — это я знаю только на месяц вперед. Ну не дело же это!

Я очень люблю «Снегурочку» и жалею, что не идет у нас этот красивый спектакль. Понимаю, что А. Н. Лазарев занят новыми постановками, и эта работа увлекает его больше, чем дирижирование старыми спектаклями, но забывать, отбрасывать старое тоже, по-моему, нельзя, потому что должен быть в репертуаре какой-то баланс между старыми и новыми постановками. Надо не забывать о творческой смене, о поколении, которое нас сменит. На чем оно будет набирать мастерство? На чем учиться, осваивать мировой репертуар?

Я смотрю — где артисты, которые заменяют нас, ведь мы — уже не среднее, а старшее поколение, а те, кто поет уже 25 лет и больше, это — поколение предпенсионное, не на нем театр стоит. Сейчас обеспечивает репертуар наше поколение. Но мы, поймите правильно, поколение в чем-то пострадавшее, потому что, когда мы пришли в театр, было очень сильным поколение, которое шло

перед нами. И все пели им славу — пресса, радио, телевидение. Нас не замечали, будто мы и не пели, не работали. И даже в то время, когда именно мы обеспечивали своим участием работу театра в Москве, а наши старшие и заслуженные коллеги пели за рубежом. А сейчас нас опять не знают потому, что нас не в чем узнать, слышать.

Более того — появилась мода говорить и писать: «Большой театр — все лучшие уехали, осталась одна серость». Ну, что это за чушь! Пришли бы в театр, послушали, у нас много хороших певцов. Но их никто не знает, потому что 20 лет трубили о тех, кто сегодня или совсем не поет, или поет чрезвычайно редко.

Другое дело, что по таким спектаклям, как «Млада», «Орлеанская дева» — прекрасным спектаклям, но спектаклям, я бы сказала, ансамблевым, трудно говорить о «звездах», о наличии крупных вокалистов. Хотя, подчеркиваю, эти оперы должны быть в нашем репертуаре, но как одно из направлений, а наряду с этим должна быть классика.

Меня тревожит тенденция ругать Большой театр, говорить о его сегодняшнем дне только плохо. Если ты уедешь, тебя будут хвалить, работаешь здесь, тебя никто не замечает.

Разговаривая за рубежом со своими коллегами, с которыми я пою спектакль, слышу: «О! Большой театр!». А в Москве (Окончание на 4-й стр.)

Все мы зависим от репертуара

(Окончание. Начало на 3-й стр.)

— совершенно противоположное.

Ред. Вам не кажется, что в ситуации, когда рейтинг Большого театра за рубежом выше, чем у нас в Союзе, в значительной мере виноваты сами работники Большого театра, многие из которых не устают ругать наш театр?

Н. Т. Я считаю, что попытки уничтожения театра в средствах массовой информации начались после назначения А. Лазарева главным дирижером. Он попытался заставить работать в театре, а не только за рубежом, людей, которые имели и имеют большие связи. Эти люди получили возможность и ополчились на Большой театр, посыпались обвинения, что как только пришел Лазарев, так сразу все развалилось, в театре осталась одна серость. Началось с этого, а потом уже быстро подхватили другие — обиженные, чем-то не удовлетворенные, и все они с позиций вседозволенности обрушились на театр. Раньше критиковать Большой театр было нельзя, а сегодня — всем и все писать можно. И защитить нас некому, потому что, чтобы защищать, нужно знать, а нынешнее поколение артистов никто не знает, не пытается узнать. Создается впечатление, что кто-то заинтересован в том, чтобы считалось, что в Большом театре все плохо, талантливые артисты уехали, осталась серость. Даже, когда журналист газеты «Труд» брал у меня интервью, и я попыталась рассказать об истинном положении дел в Большом театре, о том, кто и почему ушел и уехал, это интервью не напечатали, сказав: «Нет, это расходится с нашим мнением».

Ред. Вам не кажется, что это касается не только нашего театра, а это — неправильная политика средств массовой информации, которые «поднимают на щит» тех, кто уехал, и ничего не пишут о тех, кто достойно занимается своим делом на Родине?

Вы выступали в Париже, вас там хорошо принимали, но никто об этом ничего не знает...

Н. Т. В Америке я пела с Доминго «Дон Карлос», имела в Лос-Анджелесе прекрасную прес-

су. «Советская культура» написала, что в Лос-Анджелесе вместе с Большим театром гастролирует Нина Терентьева. В общем, полная некомпетентность и незаинтересованность.

Мне кажется, что дирекция театра должна предпринимать конкретные шаги для пропаганды ведущих солистов Большого театра, для того, чтобы была возможность писать пластинки, показывать творческие портреты на телевидении, чаще транслировать спектакли по радио. Это уже делается, но пропорция действующих артистов и певцов прошлых поколений должна быть иной. Пусть слушатели привыкнут к тому, что есть певцы в Большом театре — интересные, яркие, с хорошими голосами.

Надо ставить серьезно вопрос о почетных званиях. Думаю, выскажу не только мою точку зрения — пора их отменить. Сегодня звание никак не отражает ни талант, ни творческий потенциал артиста. Есть звание «солист Большого театра» — это высокое и почетное звание. Им-то и надо дорожить! Не надо тратить энергию на «пробивание» званий, энергия артисту нужна, чтобы работать. А чувство неудовлетворения может быть в результате отсутствия работы, а не отсутствия звания.

Мне не хотелось бы заканчивать наш разговор на печальной ноте. Повторяю — мне не за что обижаться на Большой театр, я здесь много и, по-моему, небезуспешно работала. Но ведь так «недолгий век на земле певцу», так хочется побольше попеть и так горько оказываться в творческой паузе. Я думаю, что у нашей труппы есть возможности для того, чтобы не только готовить, показывать интересные новые спектакли, но и для того, чтобы сохранять в репертуаре и обеспечивать достойными составами спектакли прошлых лет, пользующиеся любовью исполнителей и вызывающие интерес публики. Ведь творческий рост артиста, его профессиональное состояние напрямую зависят от репертуара. И, думаю, руководство театра найдет возможность вернуть эти спектакли на сцену Большого театра.